

И.Э. Ратникова

Топонимические метафоры в познании и описании социальной реальности

В социально ориентированной коммуникации особенно ярко проявляется связь топонимов с историей, культурой, социальной организацией и политической жизнью общества. Замысел как актант топонимической метафоры предполагает намерение лексикализовать информацию двух типов: мысль, формирующуюся в связи с оценкой какого-либо топоса, либо мысль по поводу некой ситуации – социальной, культурной, бытовой.

В первом случае в основе топонимических метафор часто лежит уподобление географических объектов и их концептов по более или менее очевидному признаку: *Игорный бизнес дает работу половине населения Макао – этого восточного Лас-Вегаса* (Известия, 1999. 18 мая); *Кристофер-стрит* (улица в Кельне, где произошло первое столкновение сексуальных меньшинств с полицией – И.Р.) – *это их Красная Пресня* (Свободные новости. 1999. № 40); *Одесса – южнорусский Гонконг XIX века* (Итоги. 2001. № 7).

Во втором случае идея, возникающая по поводу какого-либо общественно-явления задает поиск топонимического концепта с соответствующим ассоциативным фоном. Так, для оформления мысли об изоциренном искусстве дворцовой интриги в Кремле используется вспомогательный компонент *Византия*: *За путинскими намеками стоит желание уберечь новое правительство от московской «византии»* (Белорусская деловая газета 2000. 5 мая). Замысел вербализовать в образной форме идею прорыва, выхода из затянувшейся тяжелой ситуации воплощается в актуализации ассоциативного фона топонима *Дарданеллы*: *Каждый должен искать свой Дарданеллы* (Изв. 1998. 23 сент.). Топоним *Перл-Харбор* (название бухты на Гавайских островах, где располагалась военно-морская база США, которая в 1941 г. была предательски атакована и разгромлена японской авиацией и флотом), имеющий узусальную коннотацию «разгром, крах», уже несколько десятилетий продуктивен как мотивирующий элемент при семантической деривации. Ср. метафорические контексты 70-80-х гг.: *Разговоры об «энергетическом Перл-Харборе», якобы организованном мерами арабских стран, явно тенденциозны* (Правда. 1973. 16 дек.); *В яркой рождественской карусели символов «экономического Перл-Харбора» (как называют нынешнее наступление японских товаров на американский рынок экономисты) выглядит вечерний Бродвей* (Правда. 1986. 1 янв.) – примеры из «Материалов к коннотационному словарю русских онимов» Е.С. Отина [1]. Как в приведенных контекстах, так и в нашем материале, относящемся ко второй половине 90-х гг., в метафоре *Перл-Харбор* чаще всего фокусируются два смысловых комплекса: «мощное неожиданное нападение, удар, диверсия» и «разрушительное воздействие японцев на американские и британские ценности». Причем в контекстах, не опосредованных интерпретацией того или иного события в англоязычных

масс медиа, актуализируется как первый, так и второй смысловые признаки; в контекстах, апеллирующих к англоязычному источнику, – только второй. Ср.: *Это еще не Перл-Харбор* (Бел. деловая газ. 2000. 29 февр.) – заголовок статьи об электронном нападении американских хакеров на крупнейшие сайты; *В Вашингтоне прошла конференция по проблемам кибернетической безопасности. Ее участники говорили о необходимости предотвратить «электронный Перл-Харбор»... «Жучок», тайно засланный «враждебными державами» в электронные системы США, может сработать в «час икс»* (Изв. 2000. 21 июня); *Сотрудничество американской Transmeta с японской Sony может стать для американской компьютерной индустрии этаким третьим Перл-Харбором ... Вторым Перл-Харбором англоязычная пресса называла развал рок-группы The Beatles под влиянием жены Джона Леннона – японки Йоко Оно* (Известия. 2000. 10 окт.).

Рассмотренные примеры вызывают закономерный вопрос об ономастическом статусе вспомогательных компонентов метафор, которые мы здесь называем топонимическими. Суть вопроса в том, является ли, например, метафора *Перл-Харбор* топонимом или в данных контекстах это хрононим, т.е. «собственное имя исторически значимого отрезка времени» [2], подобное именам *Ренессанс*, *Ялтинская конференция* и под. Иными словами, что является вспомогательным компонентом метафоры: название места или название события? Мы полагаем, что справедливо первое, по следующему соображению. Историко-культурные события являются одной из составляющих топонимических концептов – как, с другой стороны, и топоним является важнейшим элементом концепта события. Не случайно типичной деривационной моделью в ономастике является метонимия типа «название места – название события по месту осуществления»: *Чернобыль* (город) – *Чернобыль* 'радиационная авария в Чернобыле', *Нюрнберг* (город) – *Нюрнберг* 'судебный процесс над военными преступниками в Нюрнберге', *Перл-Харбор* (бухта) – *Перл-Харбор* 'разгром американской базы японцами в Перл-Харборе', *Вьетнам* (государство) – *Вьетнам* 'война во Вьетнаме' и т.п. Многие прецедентные топонимы, подобные приведенным выше, являются регулярными бисемантами, и практически все топонимы – потенциальные бисеманты. Реализация данной деривационной потенции обусловлена сугубо внеязыковыми обстоятельствами: в любой момент она может быть востребована для обозначения события, связанного с определенным географическим объектом и приобретшего известность. Таким образом, во всех случаях, пойдет ли речь об ассоциации непосредственно с географическим пунктом, его природными, архитектурными, экономическими либо иными особенностями, или об ассоциации с событием, имевшим место в данном пункте, мы будем пользоваться термином «топоним».

Рассмотрим механизм метафорического смыслообразования на примере топонимической единицы *Нюрнберг*. *Нюрнберг* – один из интеркультурных топонимических концептов (наряду с топонимами *Мюнхен*, *Сталинград*, *Холокост*, *Освенцим*, *Ялта* и др.), содержание которых определяется историей Второй мировой войны. С каждым из этих топонимов связан тот или иной тип ситуации, который в определенных контекстных условиях составляет интенционал соответствующей метафоры («капитуляция перед более сильным противником», «переломный момент в войне или борьбе», «издевательство, истязание, уничтожение» и т.д.). Узуальной, социально закрепленной ассоциацией топонима *Нюрнберг* является международный суд над нацистскими преступниками. Обычно метафорический смысл данного топонима опирается на хрононимический (событийный) аспект его значения (ср.: *экологический Нюрнберг*, *виртуальный Нюрнберг*, *Нюрнберг для коммунистов*), но отме-

чаются также единичные случаи актуализации в метафорическом контексте и собственно топонимического (локального) аспекта: *Это потом, в каком-нибудь Нюрнберге, один винтик будет оправдываться солдатским долгом послушания приказу, другой – своей лояльностью к воле народа* (Бел. деловая газ. 1999. 30 авг.).

Уже более полувека ономастический концепт *Нюрнберг* востребован в качестве оценочного предиката и вторичной номинации политических событий. Особенности современной политической обстановки в мире поддерживают актуальность этого концепта в общественном сознании и делают его источником «метафорной экспансии». По нашим наблюдениям, в значениях метафоры *Нюрнберг* материализуются, «ословливаются» такие аспекты названного исторического и правового феномена, как «осуждение военных преступлений», «осуждение преступлений на национальной почве», «публичность, масштабность акции, ее мировой резонанс», «справедливое и неотвратимое возмездие», «покаяние, очищение общества от идеологической скверны». Топоним *Нюрнберг* имеет тенденцию к превращению в узуальную метафору, во-первых, в силу частотности употребления, а во-вторых, в силу воспроизводимости макроконтекстных условий при его функционировании. Тематика текстов, в которых реализуется метафорический потенциал онима *Нюрнберг*, ограничена ситуациями глобальных преступлений против человечества или народа и осуществлением (неосуществлением, необходимостью, требованием и т.п.) суда над виновными: *Отказав в иммунитете палачу Сантьяго, мировое сообщество подтвердило, что в новом глобальном мире должны существовать единые правила цивилизованного общежития. Высшей мировой судебной инстанцией – «постоянным Нюрнбергом» должен стать Международный уголовный суд* (Московские новости. 1998. № 47); *Организация в Гааге такого мини-Нюрнберга, спектакля, для которого одного Милошевича будет мало, а потребуются разоблачение всей югославской военной верхушки* (Бел. деловая газ. 2000. 12 окт.).

Обобщая типичные случаи переносного употребления топонима *Нюрнберг* (то есть те, которые связаны с фокусировкой его ядерных смыслов), можно выделить три степени редукции смысловых признаков, изначально присущих топонимическому концепту. Первая, минимальная, предполагает устранение только информации, связанной с участниками реального Нюрнбергского процесса. Остальные признаки топонима «приобретают в метафоре статус элементов языкового значения» [3], формируя в контексте понятие «судебное разбирательство, связанное с преступлениями периода Второй мировой войны»: *Украина начинает новый Нюрнберг: 400 остарбайтёров подали иски против германских фирм, на которых их заставляли работать во время Отечественной войны... После начала «второго Нюрнберга» компании «Фольксваген» и «Диль» заявили, что создадут фонды, которые и рассчитаются с подневольными рабочими* (Изв. 1999. 23 апр.); *Нюрнберг в окрестностях Бреста – о суде над бывшим комендантом поселка Домачево под Брестом, ныне гражданином Великобритании* (Имя. 1999. 18 февр.).

Вторая степень контекстуальной редукции топонимического концепта определяется деактуализацией также и темпорального аспекта события при сохранении признаков «международный суд над военными преступниками»: *«Славянский Нюрнберг» прошёл в Киеве – о заседании Международного общественного трибунала по расследованию преступлений НАТО в Югославии* (Бел. деловая газ. 2000. 26 янв.); *Философ А. Глюксман сообщил, что в XX ст. Бог умер четыре раза – в Вердене, Аушвице, Кигали (предположительно, межплеменная война в Руанде – И.Р.) и Грозном. После такого ше-*

двѣра гуманістычнаскага мыслі ... «чэчэнскі Нюрнберг» Бабіцкага – гэта ўжэ так себе, мелкая фіоратура (Изв. 2000. 8 апр.).

Третьей степенью редукции смысловых признаков характеризуются случаи метафорического переосмысления концепта *Нюрнберг*, когда основной и вспомогательный компоненты при их совмещении в сознании «пропускают» только значение «международный судебный процесс». Для таких метафор характерны рамки, указывающие на сферу, в которой совершено преступление, или его характерные особенности: *А. Адамович заявляе, што Чэрнобыль звязан не толькі з большай ложыю, но і з прамымі служэбнымі праступленнямі, што сітуацыя абавязальна прыведзе агульства да «экалагічнаскага Нюрнберга»...* (Общая газета. 1996. № 16); *Глава сейма Вітаутас Ландсбергис прызваў устроіць камуністычным рэжымам «второй Нюрнберг»* (Изв. 2000. 6 сент.). Семантические трансформации топонима *Нюрнберг* отражают диалектику смены идей и политических доктрин. Парадоксальным образом прямое (хотя и вторичное, метонимическое по происхождению) наименование международного суда, где в числе судей-победителей были коммунисты, стало метафорическим обозначением суда над коммунистами: *Камунізм, як і фашызм, быў адной з велічэйшых бед чалавечэства...* Одним из инициаторов проведения «*Нюрнберга № 2*» выступила организация политических узников и ссыльных Литвы (Наша свабода. 2000. 20 чэрв.).

Наконец, максимальная степень редукции концепта *Нюрнберг* была отмечена нами в контексте порицания деятельности чиновников, направленной против белорусского национального возрождения и развития белорусского языка и культуры. Здесь в семантике вспомогательного компонента метафоры востребован только ядерный признак «суд»: *Тыя чыноўнікі, якія найбольш зацята змагаюцца зь беларускім нацыянальным адраджэньнем... у хуткім часе панясуць крымінальную адказнасць. Мы будзем мець свой Нюрнберг* (Наша ніва. 2000. 27 сак.).

Отдельного комментария требуют менее частотные случаи, когда доминирующими в метафорическом значении оказываются признаки, которые в иерархии смысловых компонентов концепта *Нюрнберг* занимают периферийное место. Ср., например, контекст, в котором формирующееся предварительное знание по поводу российской национальной политики в отношении Чечни задает, во-первых, ассоциации, связанные с национальной неприязнью, конфликтами на национальной основе, провокациями национальной вражды, и, во-вторых, ассоциации этического плана – осмысление идейных и нравственных аспектов преступления, покаяние и очищение: *Власти стараюцца не заводзіць дзел, звязаных з нацыянальнай ненавісцю ці межрэлігійнай нетэрпімасцю... Здэсь не было Нюрнберга номер два... Не было пакаяння* (Белорусская деловая газета. 1999. 30 июня).

В центре значения метафоры *Нюрнберг* может быть также признак масштабности суда, соответствующей масштабности преступления: *Заяўлены ў першыя паслячэрнобыльскія гады грамадзянскі суд над Слюньковым і кампаніяй, што хавалі ад людзей бяду, Нюрнбергам не стаў, не прагучаў* (Наша ніва. 1998. 29 крас.). Смысловый признак «масштабность» применительно к концепту *Нюрнберг* предполагает не просто международный статус процесса и его мировой резонанс, но и глобальный характер судебного разбирательства, имеющего предметом рассмотрения не столько конкретные преступления, сколько саму концепцию уничтожения других народов, превращение государства в орудие преступления: *Масштабы праступлений, совершэнных расійскімі военнымі і палітычнымі ўладамі ў Чэчні, трэбуют Нюрнберга* (Изв. 2000. 8 апр.). По этому поводу можно также заметить,

что в систему общепринятых ассоциаций носителей языка информация о специфике Международного трибунала в Нюрнберге, вероятнее всего, не входит и, таким образом, имеется разрыв в объеме знаний отправителя и получателя информации. Однако это не препятствует успешной коммуникации: общие представления читателя и «наводящие» лексемы в контексте обеспечивают необходимую для «внутреннего перевода» меру адекватности. По словам Е.М. Чекалиной, «чтобы понять смысл топонима, используемого ситуативно..., достаточно приблизительного представления на уровне обыденного сознания, а необходимые уточнения вносит контекст» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Отин Е.С.** Материалы к коннотационному словарю русских онимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С. 46.
2. **Подольская Н.В.** Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 147.
3. **Бирдсли М.** Метафорическое сплетение // Теория метафоры. М., 1990. С. 211.
4. **Чекалина Е.М.** Язык современной французской прессы: Лексико-семантические аспекты. Л., 1991. С. 105.

S U M M A R Y

The article is devoted to the structure and functioning of toponymic metaphors in the Russian and Belarusian mass media. The author comes to conclusion that using the toponymic metaphors is an effective way of comprehension of the new historical processes and a brief and rich in content form operative transmission of the new ideas and associations, especially in political discourse.

Поступила в редакцию 10.12.2001

УДК 808.26-313.1 «15» XVII ст.

В.М. Пішчулёнак

Фанетычная адаптацыя хрысціянскіх імён на Віцебшчыне і Магілёўшчыне XVII ст.

Прадстаўлены артыкул з'яўляецца часткай даследавання, прысвечанага выяўленню асаблівасцей адаптацыі хрысціянскіх імён на Віцебшчыне і Магілёўшчыне XVII ст. Матэрыялам паслужыла картатэка, створаная аўтарам на аснове інвентароў Аршанскага павету Віцебскага ваяводства і Магілёўскага павету Мсціслаўскага ваяводства сярэдзіны XVII ст., якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва РБ.

Нягледзячы на тое, што раней рабіліся спробы выкласці вынікі адаптацыі традыцыйных царкоўных імён (найбольш грунтоўная праца зроблена М.В. Бірылам) [1], распрацоўка тэмы мае вялікае значэнне для канкрэтызацыі і паглыблення існуючых звестак аб асаблівасцях антрапанімай сістэмы старабеларускай мовы і залежыць ад пашырэння навуковай базы за кошт вывучэння не даследаваных раней помнікаў дзелавай пісьменнасці.

Мэта нашага даследавання – выявіць характар засваення кананічных імён на даследуемай тэрыторыі, паказаць уплыў гістарычных моўных працэсаў на фарміраванне антрапанімікону.